

РАЗДЕЛ 1

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РУССКОЙ РЕЧИ

Русский язык — государственный язык Российской Федерации.¹ *Государственный* — означает официальный, утвержденный органами власти, обязательный для употребления, законодательно регламентирующий языковые отношения в обществе.² При этом очевидно, что имеется в виду русский язык не во всем множестве его исторических, региональных, социальных, функциональных и иных разновидностей, а прежде всего и по преимуществу языковой стандарт, или, согласно отечественной традиции, *современный русский литературный язык*.³ Сущность современного русского литературного языка, как и любого языкового стандарта, определяется прежде всего базовым понятием нормы,⁴ которая для государственного языка приобретает особый статус, не только собственно лингвистический, но также и эстетический, аксиологический, правовой, политический.

Понятие языковой нормы. *Норма* — это система наиболее устойчивых и общественно признанных языковых единиц, правил произношения, правописания, словообразования, словоизменения и соединения слов и предложений, это также совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Понимание языковой нормы может быть широким, объективно существующим (нормы устно-разговорной речи, нормы или традиции городской обиходной речи, региональные языковые нормы, нормы социальных диалектов и т. п.) либо узким, установленным специальными правилами (кодифицированные нормы литературного языка).⁵ Применительно к русскому языку как государственному языку Российской Федерации целесообразно узкое и строгое понимание: кодифицированные нормы литературного языка.

Нормированность — базовый признак литературного языка и литературной речи — может быть определена как их особое качество, как соответствие «литературно-языковому идеалу».⁶ Литературно-языковой

В. В. Химик
доктор
филологических
наук,
профессор

¹Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 7 июня.

²Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 223.

³Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 221–225.

⁴Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яреца. М., 1998. С. 337–338.

⁵Ицкович В. А. Языковая норма. М., 1967. С. 7–8.

⁶Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959. С. 54.

идеал, задаваемый возможностями языковой системы, формируется традицией русской художественной литературы, массовым словоупотреблением, особым авторитетом отдельных прецедентных личностей, а в последнее время еще и мощным воздействием средств массовой информации.

К основным, признанным лингвистической наукой чертам языковой нормы относятся следующие.

А. Устойчивость, т. е. стабильность и даже в определенной мере консервативность. Языковая норма — категория социально-историческая; речевая нормированность во многом — это порождение традиции, обычая, узуса, результат постепенного формирования и сохранения общественного представления о «правильности» или «неправильности» произношения, написания, толкования, словоупотребления. Это важнейшее условие существования языковой нормы, благодаря которому литературный, а значит нормированный, русский язык соединяет поколения и обеспечивает преемственность культурных и языковых традиций.⁷ В этом и заключается лингвистический (стабильность языка как системы), эстетический (сохранение литературно-языкового идеала) и социальный (выражение связи поколений) статус русского языка как государственного. Практически устойчивость языковой нормы проявляется, например, в том, что подавляющее большинство текстов XIX в., прежде всего классических, от Пушкина до Чехова, остаются для российского общества и в XXI столетии выражением литературно-языкового идеала, эстетическим образцом функционирования языка, понятным и близким всем носителям русского языка, получившим общее образование в российской школе.

Б. Общераспространенность. Широкая употребительность современного русского литературного языка, распространенность всех основных его элементов, т. е. навыков типового произношения, общеупотребительной лексики и базовой грамматики слова и предложения, среди большинства носителей — еще одно важнейшее свойство нормы, определяю-

щее статус русского языка как государственного. Государственным может быть только тот язык, который известен, распространен и понятен всем его носителям, всем гражданам государства на всей его территории. Но с учетом существования большого числа региональных, социальных, корпоративных и других разновидностей русского языка особую общественную и политическую роль приобретает именно литературная, нормативная разновидность русского языка, повсеместная распространенность литературной нормы, которая только и может выполнять объединительную коммуникативную функцию на огромной территории Российского государства.

В. Обязательность соблюдения языковой нормы — принципиальная черта не только литературного языка, но и языка государственного. Без обязательности, без строгости предписаний и нормативных требований к употреблению русского языка — от произношения и написания до построения целых текстов — речевая коммуникация становится затруднительной. Особенно важно это для книжной речи, деловой и научной, природа которой требует точности и ясности передачи информации и выражения мысли. Деловые тексты-документы всех жанров должны одинаково читаться в любых региональных и социальных условиях, должны быть доступны и понятны любому элементарно образованному носителю русского языка. Обязательность соблюдения языковой нормы должна быть свойственна и научной речи независимо от сферы, отрасли или конкретной науки — астрономии, биологии, математики, истории, юриспруденции и др. Сложнее обстоит дело с обязательностью языковой нормы для публицистической речи. С одной стороны, публицистическая речь, письменная и устная, должна быть строго литературной, кодифицированной, особенно если это относится к ее информативной функции, но с другой — публицистические тексты, выполняющие также важнейшую для них экспрессивную, воздействующую функцию, не могут ограничиваться исключительно литературной нормой и достаточно широко используют речевые средства, выхо-

⁷Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971. С. 8–9.

дящие за пределы кодифицированной нормы. В таких случаях действуют уже и другие общественно признанные нормы: этические, эстетические, юридические и др.

Г. *Системность*, или соответствие внутренней языковой системе, — важнейшая и во многом определяющая черта языковой нормы, которая устанавливает рамки для функционирования и варьирования языка, для сохранения и широкого распространения отдельных его элементов. Языковая система — это система возможностей, определяющая пути развития и социального утверждения языка. «Система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, т. е. технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности».⁸ Это означает, что любые изменения языка, образования форм или слов, употребление языковых единиц происходят (во всяком случае, должны происходить) с ориентацией на их соответствие структурным возможностям языка, а это, в свою очередь, позволяет предвидеть пути языкового развития, создает возможность для отграничения перспективных фактов новообразования от случайных и временных, от речевых неправильностей.⁹ Так, например, иноязычные слова, попадая в русское словоупотребление и подвергаясь в нем артикуляционно-фонетическому освоению, произносятся в соответствии с законами русского языка (оглушение конечных согласных, редукция гласных в безударных позициях и пр.): *акциз* → *акци[с]*, *демпинг* → *демпин[к]*, *бренд* → *брен[т]*, *консалтинг* → *к[а]нсалтин[к]*, *компьютер* → *к[а]мпьют[ы]р* и т. п. Другой пример: встречающиеся иногда в средствах массовой информации образования типа *Кыргызстан* и *кыргызский* противоречат системным законам русского произношения и написания, поскольку в русской фонетико-фонологической системе недопустимо сочетание заднеязычных (задненёбных) согласных с гласным верхнего подъема среднего ряда [ы]. Следовательно,

⁸Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Пер. с исп. // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 175.

⁹Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. С. 16.

образования такого рода не имеют перспектив не только как искусственные, употребляемые исключительно по соображениям ложно понимаемой политкорректности, но и как противоречащие языковой системе.

Однако перечисленные и многие другие типологические черты языковой нормы все же не абсолютны. Нормативная устойчивость, общераспространенность, обязательность и системность находятся между собой в сложных и порой противоречивых отношениях.

Так, неоспоримый признак устойчивости нормы некоторым образом ограничивается и преодолевается известным свойством эволюции языка. Наиболее очевидно это на примере русской орфографии, которая менялась, многократно уточнялась на протяжении XVIII–XIX столетий в соответствии с изменениями самого языка (ср.: *ѣзыкѣ* → *языкъ* → *язык*). Еще более динамичные процессы изменения нормы демонстрирует лексика. Если в XIX в. слово *кушать* было нейтральным и общеупотребительным, а *есть* в том же значении — низким и грубым, то через столетие ситуация коренным образом изменилась: *есть* стало нейтральным и нормативным, а *кушать* — функционально ограниченным, разговорным. Естественными динамическими процессами развития языка можно объяснить и кодификацию значительного числа новых слов или значений последнего времени, представляющих актуальные социально-экономические, технические и культурные реалии: *аппарат* («совокупность органов управления; совокупность сотрудников такого управления»), *аудит* («независимая экспертиза финансовой отчетности... независимая проверка какой-л. деятельности»), *вливания* («денежные средства, направляемые на поддержку чего-л.»), *дисплей* («устройство отображения информации»), *Интернет* («всемирная информационная компьютерная сеть»), а также *пикетирование*, *совместимый*, *трико-лор*, *файл*, *экслав* и т. п.¹⁰

¹⁰Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 1. Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / Ред. Г. Н. Склярская, Е. Ю. Ваулина. СПб., 2007.

Не является абсолютным и такой, казалось бы, решающий признак языковой нормы и тем более кодификации, как общераспространенность, употребительность языкового явления: «Языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка».¹¹ Статистическому фактору противоречит фактор социальной оценки.¹² Так, весьма продуктивные ныне универбаты (*оборонка, нефтянка, социалка, незавершенка* и т. п.) имеют, несмотря на высокую частотность и популярность в публичной речи, слабые шансы на кодификацию, поскольку отличаются некоторой размытостью лексического значения, в отличие от производящих их атрибутивных сочетаний, практически всегда сохраняют избыточную для литературной нормы социально-экспрессивную оценочность и даже сниженность. И по этим причинам в большинстве своем отклоняются от нормативных идеалов.

Наконец, не следует рассматривать как абсолютные отношения нормы и внутренней системы (или структуры) языка. Система возможностей, которая регулирует кодификацию нормативных единиц, по-разному проявляет себя на разных уровнях языка: регулярно препятствует отклонениям от языковой структуры на уровне орфоэпии, довольно строго регулирует возможности нормализации в области моделей морфологического словообразования (ср.: *глобальный* → *глобализм, глобализация, глобалист, глобалистский, глобализатор...*), однако вполне допускает варьирование в лексических подсистемах (новообразования синонимов, антонимов, гипонимов), где целесообразность нормализации новых слов определяется потребностями уточнения смысла, формирования новых понятий (ср.: *избиратели* ~ *электорат, убийца* ~ *киллер, образ* ~ *имидж, дело* ~ *бизнес, представитель* ~ *дистрибьютер, представление* ~ *шоу* и др.). Актуальный пример — политизированная история с нормативным предложно-падежным словоупотреблением *на Украину*, которое вопреки современным си-

стемным отношениям (ср.: *в Германию, в Венгрию, во Францию* и т. п.) сохраняется в живой русской речи по этимологическим причинам, обусловлено языковой традицией и по этой причине не подчиняется наивным попыткам политической коррекции.¹³

Кажется, единственной чертой языковой литературной нормы, которую можно назвать абсолютной, оказывается *обязательность*. Предписание, закон, правило составляют суть языковой кодификации написания, произношения, формоизменения, соединения слов и предложений, что соответствующим образом и реализуется в орфографических, орфоэпических и нормативных толковых словарях, в академических и учебных грамматиках. Модус обязательности кодифицированной языковой нормы является стержневым и для статуса русского языка как государственного, см.:

«*Статья 1.2. Статус русского языка как государственного языка Российской Федерации предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом...*

Статья 1.6. При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка...».

Впрочем, о некоторой доле условности можно говорить и применительно к признаку обязательности нормы. Как известно, противоречивые отношения социально-исторических, статистических и системно-структурных факторов языковой нормы порождают такое специфическое и затрудняющее кодификацию явление, как *вариантность* норм литературного языка, т. е. возможность, допустимость в некоторых случаях нескольких вариантов произношения, написания, словоизменения, словоупотребления или способов соединения языковых единиц (ср., напр.: *до[шт']* ~

¹¹ Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. I. М., 1955. С. 14.

¹² Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и нормы. М., 1980. С. 70.

¹³ Аналогичные попытки неправомерной кодификации некоторых топонимов по политическим мотивам вопреки языковым закономерностям уже не раз отмечались лингвистами. См., напр.: Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 1999. С. 26.

до[щщ], моло[чн]ый ~ моло[шн]ый; *взялись* ~ *взялись*, *собрались* ~ *собрались*, *родился* ~ *родился*, *отдал* ~ *отдал*, *залил* ~ *залил*; *на лето* ~ *на лето*, *под вечер* ~ *под вечер*, *редакторы* ~ *редакторы*, *инженеры* ~ *инженеры*; *кич* ~ *кич*; *Интернет* ~ *интернет*; *зимой* ~ *зимою*, *рукой* ~ *рукою*; *говорить о кино* ~ *говорить про кино*, *положить сахара* ~ *положить сахару*, *много народа* ~ *много народу*).

Ключевой признак обязательности языковой нормы оказывается в подобных случаях осложненным практической необходимостью, вынужденностью выбора одного из конкурирующих средств языка, иногда с уточнением варианта семантики, прагматики или стиля, а это связано уже с употреблением, функционированием языка, с вопросами речевой культуры, или культуры речи, суть которой и есть оптимальный выбор из двух или более параллельных средств языка, отвечающих тем или иным задачам речевой коммуникации. Таким образом, оказывается, что недостаточно владеть собственно нормами литературного языка, соблюдать правила правописания, орфоэпии и грамматики, т. е. различать норму и антинорму. Для эффективного владения русской речью нужно гораздо большее: необходимо уметь делать осознанный и мотивированный выбор языковых единиц из множества допустимых вариантов, учитывая цель коммуникации и конкретную ситуацию речи, т. е. необходимо *умение действовать стилистически*. Все эти обстоятельства существенно осложняют процедуру нормативной оценки текстов живой речи и особенно речи публичной.¹⁴ С одной стороны, публичная коммуникация предполагает строгое следование требовани-

¹⁴Публичная речевая коммуникация отличается преобладающей литературной (кодифицированной) нормой и приоритетом письменной формы речи. Что же касается разговорной речи, обиходно-бытовой, с приоритетом устной формы, то она подчинена другому, широкому пониманию нормы-традиции, т. е. имеет свои собственные узальные правила и законы. См. об этом: *Русская разговорная речь* / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973; *Сиротинина О. Б.* Современная русская разговорная речь и ее особенности. Саратов, 1974; *Лантева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976; *Гаспаров Б. М.* Устная речь как семиотический объект // Семиотика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика. 1. Вып. 442. Тарту, 1978. С. 63–112.

ям языковых норм литературного языка, но с другой — говорящий/пишущий на русском языке довольно часто оказывается в условиях выбора одного из вариантов языковой нормы, как правило, прагмасемантического или стилистического. Более того, современная публичная речь, если это не письменная ее форма в виде деловых документов, не официальное общение ответственных лиц и не некоторые жанры сугубо научных текстов, допускает и определенные отклонения от литературной нормы в сторону коллоквиальности и стилистически мотивированной экспрессивности. Следовательно, ценностные ориентиры публичного функционирования русского языка не исчерпываются исключительно кодифицированной языковой нормой и нуждаются в дополнительных критериях.

Критерии оценки русского языка с позиции языковой нормы. Статус государственного языка Российской Федерации дает русскому языку определенные правовые и политические преимущества, выражающиеся прежде всего в законодательно закреплённой обязательности использования этого языка на всей обширной территории полиэтнической и многоконфессиональной России. Однако преимущества и преференции государственного статуса накладывают на русский язык и определенные обязательства. Государственный язык должен быть престижным и авторитетным, качественным и эффективным во всех своих функциональных проявлениях; иначе говоря, русский язык должен отличаться высоким аксиологическим и эстетическим уровнем своего состояния. Практическое решение вопросов качества и ценности русского языка в действии разрабатывается в рамках специальной учебно-научной дисциплины «*русский язык и культура речи*», основные постулаты которой формируются на основе изучения и практического освоения норм литературного языка.¹⁵ Центральным и универсальным по-

¹⁵Этим вопросам посвящен обширный круг специальной литературы, в частности: *Головин Б. Н.* Основы культуры речи. М., 1988; *Культура русской речи: Учебник для вузов* / Под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 1999; *Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов* / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина, М. А. Ягубова; Под ред. О. Б. Сиротининой. 2-е изд. М., 2002.

нятием культуры русской речи является *хорошая речь*,¹⁶ аксиологическая суть которого не так очевидна, как это может показаться на первый взгляд. Несомненно, хорошая русская речь — это речь литературная, соответствующая общепринятым нормам. Однако национальный русский язык, как уже отмечалось, объединяет в своем составе не только кодифицированные языковые единицы, зафиксированные в нормативных словарях и академических грамматиках, но и многочисленные узуальные, устно-разговорные, территориально-диалектные, социальные, профессиональные и иные проявления живой русской речи. В то же время престижность русского языка в целом (во всяком случае, в общем пространстве функционирования русского языка, в пределах России как государственного образования, среди основных носителей русского языка) обеспечивает исключительно литературная речь или речь, максимально к ней приближенная, — разговорно-литературная, обиходно-бытовая и публичная, устная и письменная, общепотребительная и профессиональная.

Что же такое «хорошая русская речь», каковы ее критерии? Сложность вопроса заключается в том, что абсолютное соответствие речевого действия литературной норме, критериям орфоэпической, орфографической, лексико-семантической, синтаксической или иной правильности еще не обеспечивает высокого качества русской речи — устного общения или письменного текста: «Высокая культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только *точное* средство для выражения своей мысли, но и наиболее *доходчивое* (т. е. наиболее выразительное) и наиболее *уместное* (т. е. самое подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное)».¹⁷ В самом деле, сугубо правильная речь может быть невыразительной, монотонной и скучной, а значит, не соответствующей эстетическому идеалу ее носителей. Но, с другой стороны, бой-

кая, яркая, привлекающая неискущенного обывателя внешними эффектами устная или письменная речь может быть эмоциональной и выразительной, но вульгарной, эпатажной, раздражающей. А если она представлена в таком виде в публичном общении, в средствах массовой информации, то даже и опасной для общественного вкуса, для формирования узуса, а в конечном счете и для статуса русского языка как национального и как государственного. Ценностные критерии русского языка, *языка в действии*, в практическом использовании теория культуры речи видит в последовательном разграничении и учете трех базовых компонентов речевой коммуникации: языкового, коммуникативного и этического. Языковой компонент подразумевает соответствие речевого действия кодифицированной норме, т. е. критериям правильности. Коммуникативный компонент предполагает учет условий и ситуации речевого общения, а значит, достижения цели, понятности. Этический компонент — это фактор соответствия содержания и формы речи статусу адресата, его языковым привычкам и ожиданиям. Такой подход позволяет выделить шесть основных критериев, шесть принципов хорошей русской речи: правильность, уместность, точность, логичность, чистота, выразительность.¹⁸

1. *Правильность*. Несомненно, хорошую русскую речь отличает элементарная правильность, или нормативность (графическая, произносительная, лексическая, грамматическая, стилистическая), соответствие языковым нормам, а именно отсутствие грубых нарушений, вроде распространенных: **ложи*, **совре́мённый*, **звóнит*, **на́чать*, **навроде*, **языко́вый*, **трое де́вушек* и т. п. Или функционально-стилистических ошибок типа *вытрусить* вместо *вытряхнуть*; *забояться* вместо *испугаться*; *кушать* вместо *есть*; *маленько* вместо нормативного *немного*; *обратно*

¹⁶См. сборник статей: *Хорошая речь* / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Скобликовой. М., 2001.

¹⁷*Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 286.

¹⁸Б. Н. Головин представлял эти критерии в более детальном виде и выделял девять *коммуникативных качеств*, по которым речь может оцениваться как хорошая: правильность, разнообразие (богатство), чистота, точность, логичность, выразительность, уместность, доступность (понятность), действенность (*Головин Б. Н.* Основы культуры речи. М., 1988).

телефон зазвонил вместо *снова/опять зазвонил телефон*. Подобные отступления от нормы дискредитируют любые тексты публичной и тем более официальной речи и потому недопустимы в принципе. Не может быть хорошей русской речи с грубыми нормативными ошибками. И все-таки правильность — недостаточный и не абсолютный критерий.

2. *Уместность* — важнейший оценочный критерий хорошей речи, связанный с аспектом языкового действия, речевой функции, а не собственно с языковыми знаками. Уместность — серьезная проблема речевого общения, неуместность — источник многочисленных недоразумений, коммуникативных неудач и конфликтов. Неуместная речь — это слова не к месту, текст не на тему, высказывание или речевой поток, не учитывающие обстоятельства общения, фактор адресата — конкретного партнера общения или целой аудитории. Неуместная речь — выражение неуважения к слушателю; это, с одной стороны, злоупотребление в средствах массовой информации грубыми экспрессивами, употребление сниженной лексики, вульгаризмов, а с другой стороны, неоправданное завышение стиля, неадекватное использование профессиональных терминов в разговоре, предназначенном для неспециалистов, например номинаций типа *монетаризм, дивергентный, версифицированный* и т. п. в речевой ситуации телевизионного интервью экономиста. Еще чаще в последнее время приходится слышать или читать публичные высказывания со специфическими книжными или, напротив, сниженными оборотами деловой речи, как, например, в следующем пародийном пассаже:

«П-ов озвучил проблему, выразив озабоченности по части пробуксовки вопроса с незавершенкой, и обещал одномоментно продавить в комитете состыковку проекта, а потом прописать его в годовом бюджете...»

3. *Точность* подразумевает мотивированный выбор языковых средств выражения мысли, который способствует ясности понятий и смысла повествования. Отсутствие точности нередко приводит к двусмысленности или неясности смысла, как, например, при неосторожном употреблении некоторых

многозначных слов, таких как *нормальный* (*нормальный поступок* — «обыкновенный» или «правильный?»), *достаточно* (*достаточно неприятная новость* — «очень неприятная» или «удовлетворяющая какому-то условию»). Порождает недоразумения популярное теперь употребление слова *презентовать* в значении «официально представлять что-л. новое» (от слова *презентация*), которое противоречит сложившемуся ранее шутовому содержанию «преподнести, подарить», и в результате неясными, неточными оказываются выражения типа *презентовать товар (идею, песню* и пр.). Очень часто препятствует смысловой точности неразличение внешне похожих, но разных по значению слов — паронимов: *обычный* и *обыкновенный*, *особый* и *особенный*, *патриотический* и *патриотичный*, *органический* и *органичный*, *туристский* и *туристический*, *представить* и *предоставить*, *экономный* и *экономичный*.

4. *Логичность*, или отчетливая последовательность изложения мысли, связность содержания, композиционная структурированность сообщения, — принципиальное требование к построению любого текста, письменного или устного. Хорошая речь — это композиционно организованное повествование, сохраняющее органичность выражения главной мысли, отчетливую ее последовательность и законченность, итог, вывод, заключение. В качестве примеров полного соответствия критерию логичности можно назвать тексты и устные выступления известных ученых: Д. С. Лихачева, А. М. Панченко.

5. *Чистота* — чрезвычайно важный и актуальный критерий, характеризующий понятие хорошей речи. Чистота речи, прежде всего устной, — это отсутствие в речевом потоке лишних слов, разного интонационного (мм..., э-э-э...) или словесного балласта (*короче, ну, вот, так сказать, как бы, на самом деле* и пр.), который обычно служит для заполнения пауз в живой речи, спонтанно используется говорящим при разных речевых затруднениях или в неуверенной речи.

Однако гораздо чаще чистота речи выражается в умении говорящего/пишущего находить и использовать именно литератур-

ные или разговорно-литературные слова и обороты, избегая популистского употребления разного рода сниженных экспрессивов, вульгаризмов, жаргонизмов, которые, как представляется некоторым коммуникантам, легко и доступно воздействуют на массового слушателя/читателя, особенно в публичной и тем более (что совсем недопустимо) в официальной речи. (Это касается таких экспрессивов, как *мочить в сортирах, ковырять в носу, жевать сопли, хватит скулить, слушай сюда, схватить за одно место, кошмарить бизнес* и т. п.) Чистота речи — это не только важнейший признак хорошей речи, но и условие высокой общей и речевой культуры коммуниканта, это проявление хорошего языкового вкуса и уважения к слушающей/читающей аудитории.

6. *Выразительность* — особый эстетический критерий оценки качества любых проявлений живой речи. Продуманное и уместное употребление речевых средств выражения экспрессии, мотивированная эмоциональность, умелое применение образных приемов, речевое разнообразие, изобретательное использование синонимических средств при отсутствии избыточных повторов, мотивированное обращение к разным функционально-стилистическим пластам литературного языка, к разным жанрам и формам национального русского языка в целом, включая его обиходную разговорную разновидность, — особенно высоко ценимое качество хорошей речи и риторического таланта говорящего.

Разумеется, перечисленные принципы не исчерпывают всего содержания понятия хорошей русской речи, это лишь основные, базовые его критерии. Если иметь в виду устные формы хорошей речи, то названные критерии можно дополнить еще и качествами дикции, тембра голоса, темпа речи, особенностями мимики, жестикуляции говорящего и т. п. Но языковая правильность, тематическая и коммуникативная уместность, точность выражений, логичность построения высказывания и текста, функционально-стилистическая чистота и, наконец, выразительность — это главные, определяющие критерии хорошей русской речи, формиру-

ющиеся на основе кодифицированной нормы литературного языка. Без полноценной языковой нормы и без идеалов хорошей речи статус государственного для русского языка был бы невозможен.

Нормативные основания лингвистического консультирования и экспертных оценок. Коммуникативная норма речи. Государственный статус русского языка, наличие кодифицированной языковой нормы и идеала хорошей русской речи не исключают, а возможно, даже стимулируют возникновение различных проблем функционирования языка в конкретном его употреблении. Проблемы функционирования отражают естественное состояние жизни русского языка, которое регулярно оценивается обществом и специалистами-языковедами. Решением актуальных проблем речевой коммуникации, оценкой конкретных речевых фактов и действий, регулированием практических вопросов функционирования русского языка должен заниматься и отчасти занимается своеобразный институт, или, в другом истолковании, прикладная наука, *лингвистического консультирования*¹⁹ с различными его общественными и официально-государственными направлениями.

Общественное направление — это опыт многолетних публичных консультаций специалистов для населения по широкому спектру вопросов языковой правильности и речевого функционирования русского языка, в основном в традиционных радиои телепередачах, таких как «С русского на русский, или Как сказать» («Радио Россия»), в программах «Говорим по-русски» и «Как правильно» («Эхо Москвы»), «Русское слово» («Говорит Москва»), «Знаем русский» (телерадиокомпания «Мир»), в популярной передаче «Грамотей», до недавнего времени звучавшей на радио «Маяк». Это странички или постоянные рубрики некоторых газет и журналов, в которых печатались, а иногда и продолжают печататься вопросы читателей и ответы редакций по русскому языку. В новое время это также специальные языковые пор-

¹⁹ Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. М., 2007. С. 10–11.

талы Интернета: gramota.ru, gramma.ru, gu-thenia.ru, verba2007.ru, занимающиеся среди прочего пропагандой языковых норм и хорошей русской речи.

Однако лингвистическое консультирование по вопросам русского языка — языка публичной коммуникации — должно иметь, помимо общественного и инициативного, еще и официальный статус в виде особых служб или специальных комиссий при государственных органах власти. Между тем консультации специалистов-лингвистов почти не востребованы в работе государственных служб, если только они не организуются в некоторых случаях по инициативе самих местных органов власти (как, например, в Барнауле, Калининграде, Иванове и некоторых других городах). Тексты государственных законов, официальных правительственных документов, многочисленных региональных постановлений и распоряжений, технических инструкций и актов, наружной рекламы нередко создаются, издаются и публикуются с многочисленными нормативными и функциональными нарушениями, т. е., как представляется, без консультационного участия специалистов-лингвистов. Можно предположить, что если бы учитывалось мнение фонетистов, грамматистов, терминологов, специалистов по неймингу (образованию названий), то, вероятно, не возникали бы некоторые труднопроизносимые аббревиатуры типа ГИБДД («Государственная инспекция безопасности дорожного движения») или ее нового варианта ДОБДД («Департамент обеспечения безопасности дорожного движения»). Не появлялись бы бюрократизированные номенклатурные номинации тавтологического типа: «Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования “Санкт-Петербургский государственный университет”» или «Федеральное государственное учреждение культуры “Государственный Эрмитаж”», создаваемые чиновниками по формальным основаниям и без должного учета принципов номинации и синтаксического конструирования. Статус русского языка как государственного, несомненно, предполагает и государственную ответственность за официальные речевые дей-

ствия, письменные или устные, на этом языке, за официальную языковую продукцию, производимую государственными службами. Такие речевые действия и такая языковая продукция должны осуществляться и создаваться только с консультационным участием и под контролем профессионалов-лингвистов и с последовательной ориентацией на кодифицированную языковую норму.

Еще одно направление института лингвистического консультирования — так называемая *юрислингвистика*, посвященная правовым вопросам языка,²⁰ или теория и практика *лингвистической экспертизы*, которая в последнее время становится одной из новых дисциплин прикладной лингвистики.²¹ В основе этой междисциплинарной науки, формирующейся на стыке лингвистического и юридического знания, правового и языкового сознания, лежит идея *социальной нормы* в самом широком и универсальном ее понимании — «общепризнанное правило, образец поведения или действия... Обычно социальные нормы выступают в качестве элементов нормативных систем; наиболее важными системами нормативной регуляции являются мораль и право»²²; добавим к этому: и нормативная система языка, с помощью которой мораль и право интерпретируются средствами языка. Соблюдение основ морали и права в их языковом выражении — это главная целевая установка лингвистического экспертного анализа, а в реальной коммуникативной практике — основной предмет и основная цель разрешения разного рода споров и конфликтов, связанных с употреблением русского языка. Разумеется, главной опорой экспертной работы лингвиста, связанной с анализом использования языковых средств при разрешении большинства правовых споров, является литературная норма, кодификация которой представлена в словарях предписывающего типа (орфографических, орфоэпических,

²⁰ Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. С. 11–16.

²¹ Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. С. 10–11.

²² *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 441.

толковых, грамматических) или в академических грамматиках. Словари, прежде всего нормативный толковый словарь, — перво-степенный инструмент в работе лингвиста-эксперта. Однако, как и при оценке качества русской речи, опоры исключительно на языковую норму, зафиксированную в словарях и грамматиках, бывает недостаточно. С одной стороны, оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений, неуважение к суду, разжигание межнациональной и религиозной розни, призывы к насилию, речевое манипулирование и иные правовые нарушения²³ могут происходить и нередко происходят с использованием исключительно нормативных языковых средств (например, адресованной оценочной лексики типа: *вор, преступник, убийца, враг, лгать, врать, красть, убивать* и т. п.), а с другой стороны, использование ненормативной лексики и идиоматики далеко не всегда подпадает под действие статей УК РФ или, во всяком случае, ограничивается возможностью применения статьи об оскорблении. Семантика слова и фразеологизма, зафиксированная в нормативном словаре, грамматические формы языковых единиц, регулируемые правилами грамматики, — это для эксперта-лингвиста лишь «точка отсчета». В действительности лингвистическому анализу, как правило, подвергаются не столько слова и выражения, сколько *речевые действия*, т. е. семантические и прагматические особенности употребления нормативных, ненормативных или пограничных в плане нормы/антинормы языковых единиц, которые выражают или могут выражать те или иные оценки либо утверждения, воспринимаемые адресатом или третьими лицами в определенных речевых

²³Подробные лингвистические материалы по этим вопросам см. в вып. 1–9 «Юрислингвистика», подготовленных в Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского государственного университета совместно с Лабораторией юрислингвистики и документоведения Кемеровского государственного университета (www.lexis-asu.narod.ru/index.htm), а также в материалах Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), опубликованных в книге: *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации* / Под ред. М. В. Голованевского. 3-е изд. М., 2002.

ситуациях как оскорбительные, унижающие, порочащие, клеветнические, агрессивные и т. п.²⁴ Иначе говоря, лингвист-эксперт безусловно руководствуется в своем анализе кодифицированными нормами литературного языка, но при этом должен учитывать и ситуационную обусловленность речевого действия. Так, экспертное исследование фразы «*N ведет себя, как проститутка, как ему выгодно, так и преподносит информацию*» не может ограничиться констатацией и оценкой употребления нормативного слова *проститутка* в его разговорном, переносном, экспрессивно-оценочном значении. Для полной и объективной семантико-прагматической оценки всего высказывания, дающей юристам основания для последующих правовых заключений, лингвист должен учесть целый комплекс ситуативных условий данного речевого действия: социальную роль говорящего, взаимоотношения участников акта коммуникации с точки зрения их статусного равенства или неравенства, особенности речевого поведения адресата речи, наличие и характер участия в речевом акте третьих лиц, предмет обсуждения, место коммуникации, коммуникативные цели и намерения говорящего и т. п.

Разумеется, лингвистическая работа такого рода должна быть по возможности регламентирована, как регламентирована система языковых норм. Результаты экспертного анализа (как правило, семантико-прагматического анализа текста) обычно приводят лингвиста и юриста к некоторым представлениям о соблюдении (или несоблюдении) говорящим некоторых социальных норм, правил поведения и их языковом выражении. Чешский ученый А. Едличка рассматривает необходимость такой социально-языковой регламентации как выработку *коммуникативной нормы речи* наряду с формационной (языковой) и стилистической нормами. Определяющим фактором коммуникативной нормы речи яв-

²⁴См. примеры таких и некоторых других лингвистических экспертиз в специальных источниках, приведенных в предыдущей сноске. Типологию лингвистических экспертиз по разным системным основаниям см.: *Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста*. С. 13–16.

ляется ситуационная обусловленность, наличие элементов невербального поведения, а конкретным ее проявлением служит способ дистрибуции языковых норм в определенных ситуативно-коммуникативных условиях.²⁵ Однако сами такие «дистрибуции языковых норм» в коммуникативных ситуациях нуждаются в типологизации и формализации. Перед современной русистикой, таким образом, стоит серьезная теоретическая и прикладная задача государственной важности: разработать, описать и кодифицировать коммуникативные нормы речи, разумеется, с опорой на языковые и стилистические нормы. Теоретические основания для формали-

---

²⁵Едличка А. Типы норм языковой коммуникации / Пер. с чеш. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. М., 1988. С. 141–147.

зации и регламентации коммуникативных норм речи, или норм речевого поведения в обиходных, публичных и официальных ситуациях, могут дать известные научные достижения и специальные знания по теории речевых актов, культуре речи, когнитивной лингвистике, функциональной стилистике, а также уже накопленный и опубликованный материал многочисленных лингвистических экспертиз, проведенных специалистами-русистами. Разработка и, возможно, кодификация коммуникативных норм русской речи дадут серьезный импульс развитию системы лингвистического консультирования в нашей стране, повысят авторитет научного лингвистического знания и тем самым будут способствовать повышению статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации.